

ЖИВАЯ СТАРИНА

4(64)2009

**Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре**

Учредитель и инициатор возобновления издания
Государственный республиканский центр русского фольклора

Основан в 1890 году
Возобновлен в 1994 году

Руководитель издательского проекта

А.С. Каргин

Главный редактор **С.Ю. Неклюдов**

Редколлегия:

М.В. Ахметова (зам. главного редактора)

О.В. Белова

Л.Н. Виноградова

В.М. Гацак

М.А. Енговатова

А.Ф. Некрылова

В.Я. Петрухин

И.А. Разумова

С.М. Толстая

А.В. Чернецов

Ответственный секретарь редакции

А.С. Подгаец

Научный редактор

О.В. Трефилова

Макет и компьютерная верстка:

И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева

Обработка иллюстраций:

А.А. Зернов

Зав. сектором производства и реализации:

Э.Р. Жукова

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации (ФЦП «Культура России»; Государственный контракт № 1816-01-41/02-АШ от 24 июня 2009 года)

Адрес редакции: 119034,
Москва, Турчанинов пер., 6
Тел.: (499) 245-2205, 245-2079
Факс: (499) 246-9323

E-mail: crg@inbox.ru

(с указанием: для «Живой старины»)

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 23.11.2009. Формат 60×90 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 3000 экз. Заказ 188. Цена договорная

Отпечатано в типографии
ОНО «Типография Россельхозакадемии»
115598, Москва, ул. Ягодная, д. 12

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© «Живая старина», 2009

На 1-й стр. обложки: Александра Стефановна Зуева (с. Ерышёвка Павловского р-на Воронежской обл.) в традиционном воронежском костюме приблизительно начала XX в. Детали костюма: «голубая куцунка», «подглотник», ожерелье, на голове «обвязка». Фото Д.В. Смирнова. 1990-е гг. На 4-й стр. обложки: Фрагмент традиционного воронежского костюма (см. выше): «подглотник» и ожерелье

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ II ВСЕРОССИЙСКОМУ КОНГРЕССУ ФОЛЬКЛОРИСТОВ . . . 2

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ФОЛЬКЛОРЕН

Л.Н. Виноградова. Мифологические существа, наказывающие за неурочное прядение	4
Е.Е. Левкиевская. Полесские поверья о некрещеных детях	7
Г.И. Лопатин. «Адна была ў дзярэўні ведзьмачка...»	11
Е.М. Боганева. «Хорошия были люди, только их не видзеў никто...»	14
Е.В. Сафонов. Домовой (материалы к этнодиалектному словарю «Духовная культура русских Ульяновского Присурья»)	17
О.Б. Христофорова. Икота: к вопросу о генезисе мифологического персонажа	20

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Г.П. Христова. Свадебный обряд украинцев воронежских сел	24
Г.Я. Сысоева. «Вождение русалки» в селе Оськино Воронежской области (по записям конца XX в.)	28
В.А. Ворошилин. Песни новогодних и рождественских обходов в Воронежской области	30
Д.В. Смирнов. Народно-песенная традиция южных окраин Воронежской области	35
М.М. Каспина, А.Б. Мороз. Субботники Воронежской области	39

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 90-летию со дня рождения Б.Н. Путилова	
Т.Г. Иванова. О Борисе Николаевиче Путилове	42
Е.М. Белецкая. Незабываемые встречи	46
К 90-летию со дня рождения Г.Л. Пермякова	
А. Крикманн. О моей переписке с Г.Л. Пермяковым	48
П. Гжисбек. Пословица и ее ситуации: от определения к классификации. Перевод с английского Д.С. Николаева	51

ЭКСПЕДИЦИИ

Т.А. Сережко. Экспедиция Белгородского университета	54
«Она прихватила старую жизнь...» (рассказы М.В. Осокиной из саратовского села Самодуровка). Публикация Т.Н. Медведевой	57

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

В.Е. Добровольская. Новый сборник фольклора литовских старообрядцев	60
О.В. Трефилова. «Сего ради нищ есмь...»: бродячие слепые певцы в традиционной культуре славян	62
А.С. Башарин, М.Л. Лурье. Русские песни о преступниках и палацах	63
О.В. Белова. Русские рукописные травники в контексте культуры	66
О.В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике	67

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

А.И. Васкул, Т.Г. Иванова, Н.Г. Комелина. Конференция к 90-летию со дня рождения Б.Н. Путилова	68
---	----

Содержание журнала «Живая старина» за 2009 год 70

Е.В. САФРОНОВ

ДОМОВОЙ

(материалы к этнодиалектному словарю «Духовная культура русских Ульяновского Присурья»)

Домовой (дедушка, доброходушка, хозяин, добродедушка, шутушка, батюшка), согласно распространенным в Ульяновском Присурье поверьям и мифологическим рассказам¹, определяется как хозяин и покровитель домашнего хозяйства, непременный обитатель каждого дома. По отношению к человеку и его ближайшему окружению домовой может выступать как благодетель, способствующий росту хозяйства, ухаживающий за скотиной: «Вот я будта ва сне: вышла будта на двор, а он стаит — батюшка дамавой, батюшка дамавой... Стait, карову кормит <...> Ну, я тожи ни знала, а патом стала я рассказывать — старухи-те были: "Эта, — грит, — батюшка дамавой, он кормит каровку"» [1]; «Чай, гаварят, дамавой какой-та живёт в каждым даму, в каждым, слышь, даму должен он жить, а если ни будит жить — дома ни будит, сгарит или чаво» [2]; «Ну, он, в общим, как хазян за всем, наверна, слизит» [3]; «Домовой, ну, быват домовой, наверна, в каждым дому, что ли, он, домовой, быват, я ни знаю <...> Он ласковый... если вон у ково лошадка вон, он там, слышь, и росчёсывает, и косу заплитёт» [4].

В рассказах, в которых описываются положительные действия домового, обычно не сообщается о каких-либо ответных действиях человека.

Гораздо чаще (судя по имеющемуся материалу) рассказывается о более негативном поведении «дедушки». Например, он может вредить человеку и скотине (душит, давит, щипает, бьет): «У нас вот была здесь, вот мы пришли сюды, у нас корову больно мучал [домовой]. Вот утрам встайшь: она прям вся купана, как словна на ней дождик был» [5]; «Этат самый вот дамавой есть — каво он ни любит, он, гаварит, абшипат. Чилавек быват в этих, в синих пятнах, да» [6]. Иногда домовой пугает домочадцев: «Домовой есть, есть — эта у нас, у миня в детстви была. У нас вот на этим мести у тёти Анюты каминный дом стоял, у нас большая печка русска была. И вот мы там с подружкой сидим <...> тилёнак привязанный был, тилёнак сразу мётнулся, а мы из-за печки сразу: "Чаво там такои есть?" — выглинули — и вот этот маненький чилавечик, — так мы с печки с ней лители, до самава иё дома лители <...> Вот эта я помню, как мы с ней напугались» [7].

Негативное по отношению к человеку и его домашнему окружению поведение домового может не мотивироваться, однако в некоторых рассказах оно объясняется конкретными нарушениями. Например, если при переезде не были соблюдены определенные правила (забыли позвать или не привели «батюшку»), то в доме может появиться чужой домовой, который и совершаet бесчинства: «Вот мы жили на Капказе [название улицы] <...> и пиришли в другую избу, а дедушку ту ни позвали, вот. Пришли, а там дедушка свой [т.е. чужой]. И вот утрам встаним — корова мокра, лошидь мокра. Один раз пришли — лошидь-та вверых ногами в колоде, — вот это дедушка-домовой их мучит» [8].

Негативные действия домового уже могут служить сигналом того, что дедушка не свой: «Вот у нас была мама, у них была лошидь — здаровый вараной жирибец. Низлюбил иво дамавой и вот так па канюшне ганяет его!.. Аткроют канюшню — ана [лошадь] мокрая. А в другой раз аткрыли — ана вверых нагами лижит... И так саветуют: "Значит, чужой дамавой..."» [9]; «Дедушка домовой <...> Это знаишь чаво, ну,

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ САФРОНОВ, канд. филол. наук; Ульяновский гос. пед. ун-т

этат, и людей-те, но бальшинство он муч-ил скотину, у наслична дажи вот этат — тилёнок. Выдим: мокрый, знашь, какой мокрый, вот как роса всё на нём вот эдаким да капли — он [домовой] иво тиготит, мучит, а он вспятыват и всё эта <...> Если чужой дедушка — мучит» [10].

Домовой может наказывать за нарушение и других традиционных правил, например, если человек излишне тоскует по умершему или занимает «дедушкино» место в избе: «Вот я адин раз пришла, и што-та мне так вот... я рзызылнавалась и паплакала, вот па сваей, па [умершей] систре па сваей. Паплакала и лягла я на печку. Или я на сердце нывалилась или чаво, и вот мне, вот на миня вот кто-та вот прям наваливацица, душит миня, душит, душит. Я: "О, Хосподи, памилуй, Хосподи, памилуй!" И я никак ни сталкну. Ну, а патом всё-таки я сталкнула: "Хосподи, памилуй! Хосподи, памилуй!"» [6].

Если домовой душит человека или издаст какие-либо звуки (стонет, ухает, вздыхает, фырчит), это может предвещать определенные события: «Вот са мнай вот была: мужик у миня сабрался умирать, в вакрисене эта была. Я вышла пантя карову, у миня, значит, в старый избе крылец, в тазу прям пайл... Вот я панясила видро — вылила и слышу: старый голос станат, два раза. <...> Вышла я на двор (у миня гуси, куры были), думаю: "Кто жи эта станал? Кто жи эта станал?" Думаю: "Гуси или куры?" Вот. А патом вот тожи сриди нас вот эдак рассказала: "Эта, — грит, — выживала хазян[а] из дома дедушка дамавой" [т.е. к смерти мужа]» [11]; «Ну, гаварят, дамавой есть, а вот я вот ни разу ни видала. Ну, как-та вот слыхала адин раз, в том даму жили мы. Ну, наверна, это к пажару — мы сгарели тагда. Вот в пиреднем углу, там в подпали чё-та: "у! у! у!" — станал. А здесь вот [в новом доме] ни слыхала» [12].

Рассказы о негативном поведении домового нередко включают в себя описание ответных действий человека. Так, если домовой мучает скотину, его выгоняют. В Сурском районе удалось зафиксировать описания пяти способов избавления от озорующего дедушки, которые отличаются в основном деталями:

1. Садятся верхом на кочергу, берут ошкур от штанов (часто красного цвета), держат его в руках или привязывают к кочерге, на которой сидят; затем с матом выгоняют дедушку из хлева: «[Домовой мучает лошадь.] И вот Нютки Захаровской мать села верхом на кочергу, матам выганяла, ошкур ат штанов и матам-матам, и вот повыгоняла и всё... И матам ругацца, ругацца: "Уходи, уходи, здесь тибе нечива делать!"» [8]; «Если чужой дамавой заявицца, вот он будит мучить скотину. А утром пайдёшь карову дайть, ана вся вот потна, на ней прям иний быват, зимой асобинна если. Думайш: "Ну, чужой дамавой прихадил". Вот яво выганяют из дома: бярут качиргу, садяцца вирхом, мужские штаны бярут и яво гонют: "Свой аставайся дамавой, а чужой — уходи дамой!" Вот выганяют и пасля карова делацца всё харашо, да вся харашо: никаких мученини нет, ни поту начаво» [13].

2. Привязывают тряпку (красную тряпку, ошкур от штанов) на кочергу (помело, метлу) и, ругаясь матом (иногда также молятся), выгоняют, бьют по углам двора, хлева, при этом открывают все двери; на кочергу (метлу) верхом не садятся: «Он [домовой] иво [теленка] тиготит, мучит, а он вспятыват — и всё эта. Чаво — тогда ганяли — мужич-ий ошкур от штанов и митлой, и Ваня [муж] вот с матирным словом... И по

углам визде!.. Вот ошкур. И на мётлу вот привязывыть и этой митлой визде па углам, и матам: "Вот уходи, уходи, ты нам ни нужен, уходи, туды тибя пирисюдым, уходи! Ты нам ни нужен, ты над нами зоруиш!" Ну, и этот — двери, и эту дверь, и на зады дверь, и там дверь — все двери роскрою. Это была у нас лично самих... И всё, и ушёл» [10, 14].

3. Привязывают красную тряпку (ошкур от штанов, бантинки, ленты) на скотину (на рога или шею): «Вот мы пришли сюды, у нас [домовой] корову больно мучал. Вот утрам встаёшь: она прям вся купана, как словна на ней дождик был. И вот красну тряпышку на рога привязываш ей, и с ней всё проходит. Я вот, мне самой приходилась» [5]; «Вот он [тленок]: "А-а-а!" — что есть духу орёт. А ана [соседка] грит: "Это иво дедушка-домовой мучат!" Да говорит: "Привяжити красный бантинк к нёму на шею, и он больши ни будит". Ну и правда: мама привязала — и он больши ни кричал» [15].

4. Выгоняют прутом или дубинкой, ругаются матом, открывая все двери: «Если дамавой мучает лошидь, так саветуют: "Значит, чужой дамавой..." Хазяин бирёт дубинку,atkryvait dveri — i tu, i tu, i tu [показывает на двери во дворе] i с матам иво па углам ганят: "Высь, чужой дамавой, у нас свой будит!"» [9].

5. Выгоняют с помощью «знающих»: «Есть дамавой, мучит, аха, мучит скатину. <...> Вот утрам встаёшь — каровушка вся макрюша-макрюша. <...> К этому народу к эдыкиму идти» [16].

В некоторых рассказах домового пытаются умилостивить: «[В доме дочери информантка сами собой открываются красны с водой, пропадают вещи и т.п.; рассказчица говорит дочери:] "Любк, эта у вас шутушка! Кто-нибудь жил — ни взял. Ваш-та, ну, ни заравал..." Ладна. Пиръехали в новую квартиру — эдак жи: "Мам, — грит, — вот нарощна, завирнём, — грит, — туга, утрам встаним — вада". Ладна... И многа им приходилась <...> "Люб, я слыхала, что пакармите яво вкусней". — "А чем, мам?" — "Ну чаво: сделай, чай, чаво-нибудь вкусничька, паложь калбаски, там чаво-нибудь, стаканчик чайку и скажи: "Шутушка-батюшка, нá вога, кушай, толька ни хулиган! Ты што хулиганишь-та у нас? Паглядикась-ка: ты чаво ты над нами делашь?"» Ну, пришли: "Айда, — грит, — давай, давай, Гена, дельть, чаво мама сказала". — "Давай". Ну, с тех пор, грит, эта — бросил. "А щас, — грит, — мы привыкли, што ль, — грит, — встаним..." — стала она гаварить: "Шутушка-батюшка, айда с нами ужинать!" Привыкли уж, грит. И пиристала, грит, вадичка у нас капать» [17].

При переезде в новое жилище дедушку нужно позвать с собой, иначе на новом месте жизнь может не заладиться (например, может начать досаждать чужой домовой): «[А вот если переезжать в другой дом...] То нада сказать: "Дедушка-дабраходушка, пайдём с нами!" А если кто ни скажет, он, грит, остаётца, знаешь, как плачет! Што иво с собой ни взяли, грит, очинь плачет... Абизатильна нада иво пазвать с собой. [Просто позвать, в чем-нибудь его переносить не надо?] Нет, проста пазвать: "Айда с нами!" Ты иво ни видиши: проста пазвать...» [18].

Домового переносят при помощи лукошка, зобни, кузова, корзины, «руна» (т.е. ткани, мешковины), какой-либо посуды: «Когда вот уходют, строяща, вот абязательна бирёшь лукошка, бярут лукошка и вот ставят, грят: "Дедушка-дабра-дедушка, айда с нами на ново жильё!" И вот он залазит туда, яво ни видят, он залазит, нясут — тяжило в этай карзинки-та, на ново жильё пиритаскивают» [19]; «Когда мы сюды пирихадили (дом пастроили новый), мы аттуда все вещи брали и брали — яво с собой звали: "Дедушка дамавой, пайдём с нами в нова наше жилищ-е!" — вот, приглашали яво. А вот раньши ехали там примерна куда-та — из диревни в диревню пириизжали — яво тожи приглашали: брали старую зобнию

(вот такие плитёны есть зобни, ну, плитёнки, ну, как типа корзины, толька бальшии), вот эту зобню ставили на лышидь, на тилегу и приглашали дедушку дамавого. Если скажут: "Па-ехали, дед дамавой, с нами", — лошидь с места ни троницца. А скажут: "Пайдём с нами пишком, тибе припасли жилищ-е!" — вот лошидь паедит, а он идёт, — там нивидима, но идёт, видима [наверное], лошидь пайдёт» [15].

В некоторых рассказах к домовому обращаются не только на старом месте, но и после того, как придут в новую избу. Иногда переезд сопровождается действиями с хлебом: тесто «затеваются» в старой избе, а хлеб пекут в новой. Нередко упоминается о необходимости первой пускать в новое жилище кошку — известную «ипостась» домового²: «А вот когда приходишь — вот пастроишь дом и заходишь, первый раз заходить, — затявшись хлеб в кастрюльку и бирёшь кошку. Первым долгам завёшь: "Шутушка-батюшка, айда с нами жить!" — и кошку пускашь впирёд. Патом уж заходишь и пикёшь хлеб, вот уж эта начинашь пиръходить жить. [То есть затеваешь хлеб на старом дому и печешь в новом?] Да-да» [1].

В рассказах и поверьях, в которых домовой выступает в роли предвестника, к нему могут обращаться с вопросом: «К худу или к добру?»: «Вроди душит, гаварят, он. Гаварят, спрашивают яво всё: "Дедушка дамавой, к дабру или к худу?" Если, скажим, к худу, он грит: "К х-х-х... К х-х-х..." — вот так вот. Я слыхала: крестна была, мая тётка, иё душил, ана рассказывала. Ана спрасила яво, грит: "К х-х-х... К х-х-х..." — и ана та[гда], у ниё... ана тожи маленна была, и муж был псаломщик. Вот церквя когда стали тут всё ламать-то, у ней иё мужа забрали и увязли...» [20]; «[Вот говорят, что в домах есть какой-то хозяин?] А-а, как всё гаварят: шут. Шут балакиряв. Как вот вроди душит-душит ва сне, никак ничаво ни выгывыришь. Мне приходилось та[гда], вроди как душит: "А! А! [с придыханием]". Вздхнёшь: "Ой, уйди!" — и ачнёшьси. Ачнёшьси — никаво нет. <...> Я слыхала, если он там, яво спрашивают: "Шут-батюшка балакиряв, к дабру или к худу?" Если к худу, то он скажит, и к дабру — скажит. Да, если он душит: "К дабру или к худу?" — он скажит: "К худу!" — значит, какая-та бядя будит в даму» [21].

В большинстве известных нам текстов ответ домового предвещает несчастье. «К худу!» произносится либо отчетливо, либо распознается человеком в фырчании, ухании и т.п. Ответ «К добру!» также либо слышат отчетливо, либо связывают с молчанием домового³.

Еще одна ситуация взаимодействия домового и человека может быть обусловлена желанием последнего «вызвать» дедушку, тем или иным образом спровоцировать его появление. К известным способам вызова относится манипуляция с карандашами, посредством которых узнается предсказание домового: «Кырындаши, вот сколь — уж забыла: три, четыри ли кырындаша <...> слаживали и, значит, дедушку-брахудушку звали: "Дедушка-брахудушка, приходи к нам!" И вот этот брахудушка будта бы приходил, и всё расскажит, што должно быть. Гаварят вот эта, но я ни пыталась сама, ни знай, но гаварят... <...> Дёржишь их в руке и вот их слаживашь, и вот када их дёржишь и дедушку-брахудушку просишь: "Дедушка-брахудушка, приходи к нам вроди в гости и вот нам расскажи эта..." — там чаво ты загадашь ли, как ли, и вот будта он приход... ну, там приходит — видят ли яво, ни видят ли, а вроди кто-то где-то байт [говорит]» [22, 23].

В с. Княжуха Сурского района встретился менее распространенный вариант: приговор, в котором упоминается другой тесно связанный с домовым персонаж быличек и поверьи — полевой: «Вот я была дивчонкой, мы с адной — нас научили, двух дурачик: "Вы, — гаварит, — эта... вот в абед, в двинадцать часов, скажити, — грит: "Дамавой-дамавой, умир

палявой!" — и вы, — гварит, — услышите стон". Ну, и правда: мы с ней эдак-ту сидели две дома: "Дамавой-дамавой, умир палявой! Дамавой-дамавой, умир палявой!" — три раза эдак сказали. И вот стон: "Э-э-э!" — эх, мы из избы-та убили — напугались. <...> [А кто такой полевой?] Тожи палявой есть ищё дамавой. Называюща ищё паливым дамавой, который в поле живёт. Вот яво называют Кузьма, палявова. <...> Палявой — он ни вредный был, он в поле. Вот раныши пахали жи на лашидах, на канях, — он как вроди путь исвищал каням. Да, а рано жи уижали в паля, и вот он дарожку им паказывал, каню. Вот всё так старики гаварили» [13].

Таким образом, функции домового связаны с различными действиями человека, обусловлены ими. Человек вынужден считаться с присутствием домового, реагировать на его поведение, ожидая определенных событий, исправляя собственные нарушения и т.д.

Места пребывания домового — это печь и пространство рядом с ней, «угольник» (столик под иконами), подпол, хлев, двор и баня, что говорит об объединении в образе домового функций хлевника, баенника и др.: «Раныши в каждом дому — угольничик, ну, там лампадычка, чё... Иконка стает, ну, угольник в каждом доме был. И он пад этим угольникам, выходит дамавой — стонит. И спрашивают: "Дедушка, ты к добру или к худу ли?" Он скажит: "К ху-уду!" — там или: "К добру!"» [24]; «Я парюсь, я любила парища: очинь долга в бани моюсь, па чатыре часа, раныши поб три раза, несмотря што парок сердца, да так работала, вот так вот... Ну, вата: "У-у, у-у...", — вот так: "У-у". Я на полки слышу эта, а эта в перидбаннике, канешна, за дверью <...> Да, [домовой] при日报社ал, вот [смерть родственницы]» [15].

Нередко о домовом сообщается, что он невидим. Наиболее часто упоминаемые внешние признаки домового — небольшой рост, пухлость, косматость (мохнатый, «в шерсти»): «Вот чувствую, што мне дышать нечим: вроди рука кака-та, как кошка, мохната. Я будто яво [домового] бью-бью-бью. Потом: "Хосподи!" — скажишь, и — всё пропадат» [24]; «Замучил миня тут дедушка: лезит. <...> А вот пирид мордой вот прям шерстью, он, грит, в шерсти такой, вот прям пирид мордой шерстью прям, вот так вот» [16]; «Это хозяин, домовой. <...> Выглинули — и вот этат манинький чилавечик. <...> Манинький такой — воласы на нём вот так — длинны, вроди воласы на нём» [7].

В некоторых рассказах встречаются описания одежды домового: «А я вот дивчинай была, а у нас мама всягда сторажим работала, и я всягда одна была. И вот што-та на миня какой-та страх напал, и мне кажища: ма, кто-та вроди ходит у нас, кто-та вроди ходит у нас — и как вроди бы под стол. Я заглянула под стол, и пыд столом вот малинький чилавечик вот такой в шапычки, в штанишках, и прям так и бридёт и бридёт, и я из дому — раз и убяжала. Чё-та мне вот была — новожденье или чиво — ни знай... И вот я маме рассказываю: вот тако-тако дело, и я убяжала к ней, ана ведь магазин сторожила, прям убяжала к ней, и ей рассказываю. Ана говорит: "Да эта же домовой! Эта же домовой!", — ана мне говорит, вот эта вот я запомнила. А чё эта была, я сама ни знаю... Малинький, такой малинький, пухлинький какой-та, и бородка тут вот у няво... Вот кака-та шапочка на ним была и штанишки, вот помню, штанишки, а тут вот [на туловище] — я ни знаю чаво. В общим, как калобочик, вот эдакий малинький. И пиридвигаща, я прям вижу, пиридвигаща пыд столом...» [26].

Итак, в настоящее время представления о домовом в Ульяновском Присурье относятся к числу актуальных. В основном они находят свое выражение в традиционной форме быличек и поверий. Центральные темы, объединяющие указанные представления в определенный текстовый вариант, связаны

с такими бытовыми ситуациями, как передезд в новую избу; болезнь скотины, уход за ней или ее покупка; предстоящая разлука с родными и близкими; ожидание несчастья или уже случившаяся беда. Эти ситуации служат основным контекстом развертывающегося взаимодействия между домовым и домочадцами.

Примечания

¹ Публикуемые материалы записаны И.С. Кызласовой, М.П. Чередниковой, Е. Антоновой, Л. Белоусовой, О. Гладковой, А. Липатовой, К. Туркиным и автором этих строк в 2000—2007 гг. В текстах отражены некоторые фонетические особенности, характерные для исследуемого региона: неполное оканье вперемешку с аканьем, умеренное яканье; буквами «ч.» и «щ.» обозначаются полумягкий и твердый звуки соответственно.

² См.: *Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д—К. М., 1999. С. 121; Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 99; Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В.Д. Кен. СПб., 2004. С. 109 и др.*

³ Ср.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 69—70; Представления восточных славян... С. 106; *Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 123; Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995. С. 271; Померанцева Э.В. Указ. соч. С. 102.*

Список информантов

1. В.Е. Большакова, 1931 г.р., 7 кл., с. Большое Шуватово, Инз.
2. М.Д. Парфенова, 1914 г.р., 2 кл., с. Ждамирово, Сур.
3. А.И. Шаляева, 1926 г.р., 4 кл., с. Сухой Карсун, Кар.
4. Е.В. Запольнова, 1926 г.р., 4 кл., с. Ждамирово, Сур.
5. Л.С. Дурасова, 1934 г.р., с. Ждамирово, Сур.
6. А.С. Горчакова, 1933 г.р., 7 кл., с. Княжуха, Сур.
7. Л.П. Полякова, 1941 г.р., с. Вальдиватское, Кар.
8. А.П. Супонина, 1912 г.р., 2 кл., с. Ждамирово, Сур.
9. Е.В. Гончарова, 1933 г.р., с. Сара, Сур.
10. В.Н. Гроздова, 1934 г.р., 1 кл., с. Ждамирово, Сур.
11. Е.С. Николаева, 1926 г.р., 5 кл., с. Княжуха, Сур.
12. А.И. Яшина, 1926 г.р., с. Александровка, Кар.
13. Е.П. Афанасьева, 1925 г.р., 5 кл., с. Княжуха, Сур.
14. И.Ф. Гроздов, 1936 г.р., 10 кл., с. Ждамирово, Сур.
15. Р.Г. Козлова, 1932 г.р., 1 кл., с. Ждамирово, Сур.
16. Ф.И. Хахулина, 1938 г.р., 4 кл., с. Сухой Карсун, Кар.
17. З.И. Усачева, 1937 г.р., с. Большое Шуватово, Инз.
18. Н.И. Елистратова, 1941 г.р., 5 кл., с. Сухой Карсун, Кар.
19. М.Ф. Кульгина, 1925 г.р., с. Поляники, Сур.
20. А.Ф. Ершова, 1935 г.р., 3 кл., с. Большое Шуватово, Инз.
21. В.С. Цыпина, 1917 г.р., неграмотная (умеет читать), с. Валгуссы, Инз.
22. А.Н. Крупякова, 1932 г.р., неграмотная (умеет читать), с. Шеевцино (конец Рысевка), Сур.
23. В.Н. Крупякова, 1930 г.р., 4 кл., с. Шеевцино (конец Рысевка), Сур.
24. Л.А. Евгеньева, 1933 г.р., 2 кл., с. Ждамирово, Сур.
25. А.И. Панова, 1928 г.р., 7 кл., с. Сара, Сур.
26. А.А. Головушкина, 1936 г.р., 7 кл., с. Ждамирово, Сур.

Сокращения

Кар. — Карсунский р-н; Инз. — Инзенский р-н; Сур. — Сурский р-н.